

DOI 10.25587/SVFU.2018.9.11679

УДК 398.22(=35)

З. Д. Джапуа

Абхазский государственный университет

БЕСТИАРИЙ АБХАЗСКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА: ПРИМЕТЫ ДЕМОНИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ

Аннотация. Цель настоящей статьи – обозреть приметы демонических (зооморфных и зооантропоморфных) образов нартского эпоса абхазов – основных противников эпических героев в их функционально-семантических аспектах.

Актуальность темы статьи обусловлена, прежде всего, тем, что изучение антропоморфных образов нартского эпоса не полно без исследования образов животных, которые фигурируют одновременно с эпическими героями вместе и в связке с ними в качестве помощников или противников. К тому же, фауна нартского эпоса народов Кавказа до сих пор не изучена в достаточной мере ни в одной из его версий. Правда, образы демонических персонажей эпоса освещались в ряде работ исследователей.

Статья написана на основе принципов функционального направления в фольклористике, объединяющего текстологический, описательный, структурно-типологический и структурно-семантический методы исследования, что дают возможности для раскрытия ряда характерных особенностей, мифологической семантики образов демонических персонажей.

К категории демонических персонажей абхазского нартского эпоса, прежде всего, относятся драконы (абх. *аггылышван*) и великаны (абх. *адауы*), в облике которых сочетаются человеческие и звериные черты. Они широко представлены как в нартском эпосе и волшебных сказках абхазов, так и в фольклоре других народов Кавказа. Все рассмотренные персонажи абхазского нартского эпоса (и зооморфные, и зооантропоморфные существа) в той или иной степени характеризуются змеиной образностью. Приметы, характерные для тех или иных персонажей, обладают амбивалентностью, они во многом переплетены, синонимичны, взаимообусловлены, окутаны клубком сходных ассоциаций.

В ходе анализа эпических текстов выяснилось, что рассмотренные персонажи обитают в «ином», «потустороннем» локусе, атрибуты которого весьма близки или схожи. И это пространство символизирует границу противоположных миров (как пропасть, лес, пещера, за рекой, гора и т. п.). Приметы и функции данных персонажей, которые могут отражать этническую специфику абхазских нартских сказаний, тоже весьма аналогичны (например, многоголовость, мохнатость, пугающая внешность, одноглазие / многоглазие и т. п.). Все эти образы маркируют самих эпических героев, с которыми они сталкиваются в разных сюжетах и мотивах.

Ключевые слова: бестиарий, абхазский нартский эпос, демонические существа, зооантропоморфные образы, дракон, великан, великан-хранитель огня, великан-пастух, великан-хранитель тучного пастбища, великаны-хранители фруктовых деревьев, великан-похититель чужой жены, великан-пахарь, великан-всадник, старуха-ведьма.

ДЖАПУА Зураб Джотович – д. филол. н., проф., президент АН Абхазии, директор Центра нартоведения и полевой фольклористики при Абхазском государственном университете, г. н. с. отдела фольклора Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия АН Абхазии, Сухум, Абхазия.

E-mail: zjap2016@yandex.ru

DZHAPUA Zurab Djotovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, President of the Academy of Sciences of Abkhazia, Director of The Center of Nart and field folkloristics affiliated to Abkhazian Institute of Humanities Research named after D. I. Gulia of the Academy of Sciences of Abkhazia, Sukhum, Abkhazia.

E-mail: zjap2016@yandex.ru

Z. D. Dzhapua

Bestiary of the Abkhazian Nart epic: tokens of demonic creatures

Abstract. The purpose of this article is to survey the signs of demonic (zoomorphic and zooanthropomorphic) images of the Nart epos of the Abkhazians – the main opponents of epic heroes in their functional and semantic aspects.

The relevance of the topic of the article is due primarily to the fact that the study of anthropomorphic images of the Nart epos is incomplete without the study of images of animals that appear simultaneously with epic heroes together and in conjunction with them as assistants or opponents. In addition, the fauna of the Nart epos of the peoples of the Caucasus has not yet been adequately studied in any of its versions. At the same time, the images of demonic characters of the epos were covered in a number of works by researchers.

The article is written on the basis of the principles of functional direction in folklore, combining textual, descriptive, structural-typological and structural-semantic research methods, which provide opportunities for revealing a number of characteristic features, mythological semantics of images of demonic characters.

The category of demonic characters of the Abkhazian Nart epos is first of all dragons (abkh. *agyylyshap*) and giants (abkh. *adauy*), in the form of which human and animal features are combined. They are widely represented both in the Nart epos and fairy tales of Abkhazians, and in the folklore of other peoples of the Caucasus. All the characters of the Abkhazian Nart epos (both zoomorphic and zooanthropomorphic creatures) are more or less characterized by snake imagery. Signs that are characteristic of one or other of the characters have ambivalence, they are in many ways intertwined, synonymous, interdependent, enveloped in a ball of similar associations.

During the analysis of epic texts, it turned out that the characters considered inhabit a “different”, “otherworldly” locus, whose attributes are very close or similar. And this space symbolizes the boundary of the opposite worlds (like an abyss, a forest, a cave, a river, a mountain, etc.). The signs and functions of these characters, which can reflect the ethnic specifics of the Abkhazian Nart tales, are also very similar (for example: multihead, shaggy, frightening appearance, one-eyed / many-eyed, etc.). All these images mark the epic heroes themselves, with which they collide in different plots and motifs.

Keywords: bestiary, Abkhazian Nart epic, demonic creatures, anthropozoomorphic images, dragon, giant, giant fire keeper, giant shepherd, giant-guardian of fat pasturage, giant-guardian of fruit trees, giant-kidnapper of another's wife, giant-plowman, giant horseman, old witch.

Введение

Фольклорист с мировым именем В. Я. Пропп характеризовал нартские сказания народов Кавказа как «памятник мирового значения» [1, с. 395]. Особенность этого устного эпоса героико-архаического типа заключается в т. ч. в его полиэтничности: он бытует у целого ряда горских народов Кавказа, некоторые из которых различаются и по происхождению, и по языку, и при этом само эпическое создание едино и целостно. Национальные версии и варианты Нартиады до сих пор содержат в себе много нераскрытых тайн.

Цель настоящей работы – в некотором смысле часть этих тайн раскрыть: сделать более явными характерные черты демонических образов абхазского нартского эпоса, которые могут быть зооморфными или зооантропоморфными.

Отметим сразу, что, хотя фауна нартского эпоса не изучена в достаточной мере ни в одной его версии, образы демонических персонажей эпоса освещались в ряде работ [2, с. 233-237; 3, с. 97-106, 163-172; 4, с. 40-50, 83-91; 5, с. 109-119].

Следует оговорить, что термин «бестиарий» (лат. *bestiaries* – звериный) используется в настоящей работе, как это общепринято современными фольклористами и антропологами (в частности, в серийных изданиях сборников статей о зооморфизмах в традиционных универсумах Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН под названием «Бестиарий»), для обозначения образов животных, зооморфных и зооантропоморфных персонажей нартского эпоса.

Зооморфные и зооантропоморфные образы

Данные образы нартского эпоса абхазов, встречающиеся в качестве персонажей, здесь будут освещены в их функционально-семантических аспектах. К этой категории персонажей, прежде всего, относятся драконы (абх. *агдылышан*) и великаны (абх. *адауы*), широко представленные

как в нартском эпосе и волшебных сказках абхазов, так и в фольклоре других народов Кавказа. В облике этих персонажей сочетаются человеческие и звериные черты.

В абхазском нартском эпосе дракон всегда (или почти всегда) зооморфное существо и преимущественно встречается в роли «хранителя воды», правда, в ряде случаев он может фигурировать вместо других хтонических персонажей.

Дракон-хранитель воды обитает в пропасти (*атыша*) [6, № 246, 263, 264, 272, 391] / в большой пропасти (*тыша дыуззак*) [6, № 169, 170, 272, 391] / в страшной пропасти (*атыша бааҭс*) [6, № 390] / в глубокой пропасти (*атыша ҭауларахь*) [6, № 391] / в бездонной пропасти (*ҭа змамз*) / (ца змазамыз атыша) [6, № 272, 391] / в подземной пропасти (*нарцә-тыша*) [6, № 260], в подземном мире (*ҭака*) [6, № 254, 261, 265, 266], в огромной природе (*ҭсабара дыуззак*) [6, № 263], на красивой земле (*дгьыл ҭизак*) [6, № 265], в большом мире (*адунеи дыу*) [6, № 272]. Он охраняет источник воды, лежит, свернувшись кольцом вокруг родника (*азыхь иакәшан, аеырқьақьан итәоуп*) [6, № 272], либо в самом водоеме [6, № 246, 254, 263, 266]; съедает людей (особенно красивых девушек) за то, что позволяет людям в определенное время набрать воды [6, № 169, 170, 246, 255, 262, 266]. Он многоголовый (*ф-хык зхагылаз*) [6, № 268], (*жә-хык ихагылан*) [6, № 269]; выходит из воды как туман, гремит громом (*аггылышәп адыунеи ардыдит, азы анакә ҭыҭрыит*) [6, № 262]; когда герой разрезает его желудок, оттуда выходят все проглоченные им люди (*амгәа анааҭыижәа, иафахьаз ауаа зеггы аатҭыҭуеит*) [6, № 265]; в ряде вариантов сказания об освобождении водного источника в подземном мире образ дракона заменяется великаном с теми же функциями, что присущи дракону [6, № 261, 269, 271, 273, 274, 390, 391]. С ним встречается основной герой эпоса Сасрыкуа, который оказывается в подземном мире и после уничтожения чудовища с помощью орла поднимается на поверхность Земли [7, с. 59-65; 5, с. 111-112, 325].

Рис. 1. Дракон и родник (Художник Б. Р. Джапуа, 2009 г.)

Вместе со змеевидным драконом в абхазских нартских сказаниях немалое место занимает образ и самой **змеи** (абх. *амат*). И для нее весьма характерна хтоническая природа. Можно сказать, что образы мифологического змея (дракона) и змеи зачастую сливаются в единый образ, также подчас они встречаются как самостоятельные персонажи. Функционально змеи в нартском эпосе обнаруживаются в нескольких повествовательных эпизодах и мотивах. Например: 1) в подземном мире (в сюжете об освобождении водного источника) после уничтожения дракона (или великана) Сасыркуа убивает огромную змею (*мат дыуззак*) [6, № 260, 869], заползающую на дерево, чтобы съесть птенцов орла; 2) в далеком от нартвов мире (в сюжете о гибели Сасыркуа от камня) братья-нарты встречаются со старухой-ведьмой (см. ниже), которая в качестве плети держит рыжую змею (*амат аишь*) [6, № 182, 375, 376, 412]; 3) под землей (в могиле жены) (в сюжете об оживлении жены) Сасыркуа убивает двух змей [7, с. 67-68]; 4) в потустороннем мире (в сюжете о чудесах по пути к родителям жены) Сасыркуа удивляется, увидев большую черную змею (*мат еиқайда-дыук*) под изголовьем тестя; 5) в походе братьев-нартвов Сасыркуа убивает большую змею (*мат дыук*) [6, № 224]; 6) когда Нарчхью-герой покорил нартвов (в сюжете об умыкании Гунды-красавицы), чтобы отравить его ядом, братья-нарты привезли змей: змея (*амат*) [6, № 583, 594, 599, 623, 629, 643] / рыжая змея (*аматаишь*) [6, № 278, 412, 578, 579, 588, 590, 591, 596, 605, 623, 624-626, 643] / горная рыжая змея (*аишьа матаишь*) [6, № 278, 388, 596, 597] / морская змея (*ага-матаишь*) [6, № 278, 596, 597] / черная змея (*амат еиқайда*) [6, № 588, 591, 594]. В трех вариантах сказания змея заменяется лягушкой (*адагъ*) [6, № 583, 629] / рыжей лягушкой (*адагъаишь*) [6, № 578].

Образ **великана** (*адауы*) в абхазском нартском эпосе представлен весьма ёмко, и он зооантропоморфен: отчетливо видны его как антропоморфные, так и зооморфные приметы [8, с. 70-104]. Великаны и великанообразные существа в абхазском нартском эпосе функционально и семантически подразделяются на следующие ипостаси: 1) великан-хранитель огня; 2) великан-пастух; 3) великан-хранитель тучного пастбища; 4) великаны-хранители фруктовых деревьев; 5) великан-похититель чужой жены; 6) великан-пахарь; 7) великан-всадник; 8) великаны-истребители эпического рода Елдызовых; 9) великанша-жена; 10) старуха-ведьма – проглотительница 99 братьев-нартвов; 11) старуха, сообщающая «уязвимое место» Сасыркуа.

1. **Великан-хранитель огня** обитает в лесу (*абнара*) [6, № 39, 40, 120, 135, 144, 157, 165], в большом / огромном / глубоком / дремучем / страшном лесу [6, № 39, 40, 180, 120], в ущелье (*ацста*) [6, № 117, 125, 126, 158, 166, 178, 211, 232], в пещере (*ахапы*) [6, № 170, 258], на горе (*аишьа*) [6, № 133, 159, 163, 182, 203]; герой обнаруживает его (вернее – его огнище) (*быжъ-хык рышьтахъ иыкоу амцабз*) [6, № 162], взобравшись на высокий холм (*ахэы*) [6, № 154, 168, 172-174, 176, 177], либо на вершину горы (*аишьа ақэцэан*) [6, № 200]. Он огромный: *дау дыук* – некий большой великан [6, № 126, 201], *дау дыуззак* – некий огромный великан [6, № 171, 200]; страшный: *адауы цэгъа* – страшный великан [6, № 183]; многоголовый: *быжъ-хык зхагылоу адауы* – семиглавый великан [6, № 239], *Ѱ-хык, х-хык зхагылаз адауы* – двуглавый, трехглавый великан [6, № 212]; неубиваемый: *абахэ дыузза зааханы иымцыз* – выдержавший удар огромной скалы [6, № 175]; бесчувственный: *апырзы злымха итацсаны ианамырцшыз* – не проснувшийся от горящих углей в ухе [6, № 168]. Подчас великан заменяется драконом (*агэылишьап*) [6, № 154, 274] или лесным человеком (*абнауафы*) [6, № 39, 80]; спит, свернувшись кольцом (*адауы дызкэыриан иыказ амца*) [6, № 145], как змея (*иыеркъақъаны, ихи иишьапи еилацаны*), вокруг огромного костра (букв. костер целой армии – *ар рымца*) [6, № 130, 163, 166, 179, 182, 200, 229, 406, 623, 668]. С ним встречается Сасыркуа, который, не сумев перепрыгнуть его, проникает к костру через мохнатое ухо великана и при помощи хитрости и смекалки убивает его и добывает огонь для нартвов [7, с. 50-56; 5, с. 100-141, 324; 9].

2. **Великан-пастух** обитает за рекой. Название реки имеет много вариантов и вариаций. Самые основные из них: Кубина [6, № 2, 3, 5, 6, 12, 16-18, 19, 20, 24-27, 31, 32, 34, 35, 38, 40, 42-44, 48-50, 68, 69, 71, 73-75, 79, 80, 87, 89, 93, 95, 97, 99, 101, 102, 113, 141-147, 154, 157, 166-168, 169-173, 174, 175-177, 179, 180-182, 188, 191, 194, 196, 198, 199, 208, 224, 228, 229, 230, 231, 235, 236, 238, 275, 328, 258, 330, 376, 381, 390, 395, 405, 419, 421, 500, 526, 535, 622, 624, 626, 629, 966], Ариан [6, № 4, 30, 45, 46, 47, 337], Бзып [6, № 1, 3, 7, 8, 29, 35, 70, 93, 188, 966], Лаба [6, № 78], Кодор [6, № 259, 469], Аалдзга [6, № 164]; его собственное имя Зартыж тоже

выстраивает целый ряд (а точнее – до 80) вариантов со своими определительными сочетаниями, наиболее характерные из которых: мохнатый Зартыж (*Зартыжэ ақамса*), Иарчхоу [6, № 12, 13, 70, 117, 125, 126], лесной человек Арджххоу (*абнауафы Арджххоу*) [6, № 229], находившийся на том берегу пастух нартских коров (*нырцэ иаваз нартаа рыжэхьча*) [6, № 224], пастух быков (*ацэхьча*) [6, № 24], великан (*адауы*) [6, № 47, 147, 194], семиглавый великан (*адоумыжьсха*) [6, № 324], лесной человек (*абнауафы*) [6, № 229], некий страшный мужчина, пасший свой скот за Кубиной (*Кэбина-нырцэ зырахэ зырхуаз хайа бааңсык*) [6, № 35], любовник (*ацэыбза*) [6, № 239]; спит, свернувшись кольцом (*девырэхэ*), среди быков нартов на противоположном берегу реки, с мохнатой грудью (*игдыңхэы ахэы*) [6, № 405], с гигантскими бровями (*иыцьымышь ахэы кыдыссыла*) [6, № 3]. С ним «встречается» мать нартов Сатаней-Гуаша, которая своим сиянием с одного берега реки ошеломила великана-пастуха, и тот, послав с другого берега реки свое семя, «оплодотворяет» камень, из которого впоследствии родился центральный персонаж нартского эпоса Сасыркуа [10; 11, с. 72-94; 12, с. 166-180; 13; 5, с. 95-109, 321-322].

3. **Великан-хранитель тучного пастбища** обитает за рекой, на противоположной стороне реки Кубины (*Кэбина азырцэ*) [6, № 716-718, 720-722], на земле великанов (*адауцаа рыдгьыл*) [6, № 722], на просторных пастбищах (*ахдырта тбаақэа*) [6, № 722]; он непобедимый (никто из нартов не осмеливался переходить реку и пригонять табун на его пастбище) [6, № 716], семиглавый [6, № 717], одноглазый, парализован на один бок [6, № 719], старый [6, № 720]. С ним встречается нартский герой Уахсит, который перегоняет табун нартов через реку на тучные пастбища великана, побеждает его в жарком поединке, и тот в знак примирения усыновляет его [5, с. 112, 335].

4. **Великаны-хранители фруктовых деревьев** обитают в середине моря в неприступной большой крепости (*абаа дыу*) [6, № 521, 522], в крепости Кадла-швадла (*Кадла-шэадла абаа*) [6, № 521, 522, 524], Асакадла (*Асакадла-баа*) [6, № 543], Баталакла (*Баталакла*) [6, № 507], Гвинт-Винт (*Гэинт-Винт*) [6, № 508], Кумыз (*Кэмыз*) [6, № 508], в крепости великанов (*адауцаа рбаа*) [6, № 494], в большом дворце (*ахан дыу*) [6, № 501, 503, 512], во дворце Абырыскиловых (*Абырыскылаа рхан*) [6, № 496]; огорожены большой крепостной (или каменной) стеной (*абаагэара*) [6, № 504-506, 511-513, 516, 531], реже железной стеной (*аихатэ гэара*) [6, № 523]. С ними встречается Нарт Цвицв (реже Сасыркуа или другие нарты), которого великаны закидывают в глубокую яму под крепостью (*ажра, ажра дыу*) [6, № 490, 508, 524], в бездонный колодец (*йа змазамыз айцең дыу*) [6, № 494], выбрасывают под землю (*адгьыл айака*) [6, № 493], в преисподнюю (*быжсыра-быжсыца ижыу ажра*) [6, № 494], но он, выбравшись оттуда, истребляет великанов и добывает фруктовые деревья [5, с. 113-114, 330-331].

5. **Великан-похититель чужой жены** обитает в глубине иного, потустороннего мира (*нарцэы еицанарцэы*) [6, № 716, 717]; его собственное имя – Калаур, сын Шарадына, он «незаконный жених» (сватался за той же красавицей, что и герой, но братья девушки на дороге цепями повесили его между небом и землей); с ним нельзя разговаривать, хотя он провоцирует на это героя; с ним встречается герой Уахсит, сосватавший дочь Ажвейпшаа, который нарушает запрет не разговаривать с Калауром; последний, воспользовавшись этим, похищает суженую героя и исчезает с нею, словно сквозь землю провалившись (*адгьыл ийабга ицеит*); герой с помощью барана из-под камня проникает в этот потусторонний мир и вызволяет суженую, хитростью и смекалкой уничтожив похитителя, душа которого была вселена в ласточку, а ласточка была спрятана в желудке дикого быка, а дикий бык – в желудке дракона [5, с. 335].

6. **Великан-пахарь** обитает вдоль большой реки (*аз дыу авара*) [6, № 312], в ущелье (*аңста*) [6, № 317-319], в лесу (*абна*) [6, № 312, 317, 318], на огромной поляне (*арха еиуыжсь-дыу*) [6, № 331]; его имя звучит в нескольких вариантах и вариациях: Полусухой-Полусырой (*Бжафа-Бжаза*) [6, № 172, 173, 314-317, 319, 327, 329, 337], некий полусухой-полусырой человек (*уаф бжафа-бжазак*) [6, № 172, 173, 175-177], великан (*адауы*) [6, № 312, 313, 324, 329, 331, 332, 338-340], Дауапц (букв. рыжий великан) [6, № 322, 323], старый великан (*адауажэ*) [6, № 332], семиглавый великан (*адоумыжьсха*) [6, № 324], великан-пахарь (*адауы-цаагэафы*) [6, № 331], пахарь (*ацаагэаф*) [6, № 172, 320, 326, 328, 329, 331-335, 343]; он парализован на один бок, пашет на запряженных быках (буйволах, ослах или великанах). С ним встречается Сасыркуа, на которого великан-пахарь не обращает никакого внимания и кладет его вместе с конем под ком земли, вывороченной плугом, и продолжает пахать [7, с. 68-72; 5, с. 235-241].

Рис. 2. Сасыркуа и пахарь (Художник Б. Р. Джапуа, 2009 г.)

7. **Великан-всадник** обитает в опасной земле (*адгьыл бааҭс*) [6, № 348], на перевале Ахмата (*Ахмат акайҭара*) [6, № 355], в овраге (*аггәава*) [6, № 249], в лесу (*абна*) [6, № 160, 162], в роще (*аккара*) [6, № 172, 173, 176], на горе (*аишьха*) [6, № 162] / на скале (*ахра*) [6, № 348] / на вершине скалы (*хра хыцәқәаны*) [6, № 348] / на двух скалах (*аа-бахәык*) [6, № 162] / за семью скалами (*быжсь-бахәык рышьтәхь*) [6, № 162], в конце поля (*адгьы айыхәа ахаанцәо*) [6, № 348] / на маленькой поляне (*дәхәыҭи хәчык*) [6, № 348], на берегу Кубины (*Кәбыина аҭшахәа*) [6, № 349]. Его собственное имя – Татрац – может иметь и другие варианты: Мардасоу, сын Марда [6, № 160, 162, 349], Акулдзы [6, № 347], Нарджхьоу [6, № 353], всадник [6, № 160, 348, 351]. С ним встречается Сасыркуа, который терпит поражение в поединке (великан-всадник сажает героя в свой карман, а коня подвязывает к седлу), но позже по наущению матери герой хитростью убивает великана-всадника Татраца [5, с. 113, 327; 14, с. 45-53; 15, с. 240-241; 16, с. 77-78; 17, с. 56; 18, с. 20-21].

8. **Великаны-истребители рода Елдызовых** обитают в ущелье (*аҭста*) [6, № 728, 729, 734, 746] / в большом ущелье (*аҭста дыу*) [6, № 729], в глубоком овраге (*аггәава*) [6, № 728], в пещере (*аҳаҭы*) [6, № 734, 757] / в глубокой пещере (*аҳаҭ дыу*) [6, № 741] / в страшной пещере (*аҳаҭы бааҭс*) [6, № 742], в лесу (*абна*) [6, № 735, 751] / в страшном лесу (*абна бааҭс*) [6, № 735], за семью горами (*быжсь-шьхакы*) [6, № 726, 727] / на скале (*абахә*) [6, № 745], в поле (*адгьы*) [6, № 739, 740] / в большом поле (*дә-дыук*) [6, № 739] / в длинном поле (*адгьы хәхәа*) [6, № 739], на Кубине (*Кәбина*) [6, № 743] / на вершине Кубины (*Кәбина ахы / аханы*) [6, № 731, 734] / на берегу Кубины (*Кәбина аҭшахәа*) [6, № 730], у реки (*азы*) [6, № 730, 734, 737-739, 741, 742, 754, 758] / у большой реки (*аз дыу / азыиас дыу*) [6, № 728, 735, 736, 754, 757, 758, 763] / на берегу реки (*азы аҭшахәа*) [6, № 739], на противоположной стороне (*нырцә / нырцәка*)

[6, № 726, 735, 736, 758, 763]. Их называют истребителями людей (*ауаа ақәызххьоу адауцаа*) [6, № 757], их семеро / трое или несколько братьев – один сильнее и страшнее другого. С ними встречается Щаруан (имя персонажа варьируется), который в единоборстве одного за другим истребляет их на мосту через реку между героем и великанами [5, с. 114].

9. **Великанша-жена** из того же мира, что и великан-пахарь. Её образ определяется как великанша-жена (*адоуңхэыс*) [6, № 337], жена Полусухого-Полусырого / жена великана / жена рыжего великана (*Дауаңиш*) [6, № 322, 323], жена пахаря [6, № 312, 313, 320, 325, 326, 328-331, 334, 342-344], большая женщина, подобно которой никто не видел (*уаф ыымбац ңхэыс дыук*) [6, № 327]. Она приносит пахарю целого быка в корыте на голове; прядет шерсть с целым быком в руках в качестве веретена, с насаженным на нем пряслицем-жерновом; на обратном пути Сасыркуа и его коня сажает в корыто и несет; когда тот по дороге хитростью попытался сбежать, великанша расставила силки, сплетенные из волос, вырванных из своего лона, в большом ущелье (*ахэаиш дыу*) [6, № 172, 176]; затем помочилась, и потоки воды подхватили Сасыркуа, и он попался в силок [7, с. 68-72].

10. **Старуха-ведьма – проглотительница 99 братьев-нартов** обитает в страшной земле (*дгьыл бааңсык*) [6, № 256] / в далекой земле (*дгьыл харак*) [6, № 257], где никогда не бывал человек (*уаф дахъымцаыз*) [6, № 257] / где никогда не становится человек (*ахаан уаф дахъымтэо ыъара*) [6, № 255] / куда нога человека не вступала (*уафс ишьапы ахъымнеиш*) [6, № 252], в овраге (*агэафа*) [6, № 253, 255] / в страшном овраге (*гэафа бааңсык*) [6, № 255, 256] / в страшном водопаде-овраге (*зылбаакъара-гэафа бааңсык*) [6, № 255, 256], в ущелье (*афхаа*) [6, № 257] / в страшных ущельях (*афхаа цэгъақэа*) [6, № 257], в пещере (*аҳаңы*) [6, № 253, 256, 257], в лесу (*абна*) [6, № 257, 723] / в большом лесу (*бна дыук*) [6, № 723] / в густом лесу (*бна тоурак*)

Рис. 3. Омага (Художник Б. Р. Джапуа, 2009 г.)

[6, № 257] / в гуще леса (*бнак агэҭа*) [6, № 251], на горе (*шьхараны*) [6, № 252] / на скале (*абахэ*) [6, № 251, 257] / на большой скале (*абахэ дыу*) [6, № 257], в устрашающем месте (*бааҭсыртанык*) [6, № 255]; в этом лесу и днем темно, как ночью (*еынлагь уахынла еиҭи илашьҭан*) [6, № 257]; туда может идти только тот, который выстрелом в дерево, растущее по пути на огромном поле, под которым появляется махонький старик, не советуемый идти туда, может сорвать с него хотя бы листок. Её характерные черты определяются в синонимии ее самостоятельных названий: старуха (*аҭакэажэ*) [6, № 252, 254, 258, 458, 459, 723], женщина-омага¹ (*аҭхэыс-омага*) [6, № 251, 256, 257, 272], огромная женщина-омага (*ххэыс-омага дыуззак*) [6, № 257], ведьма (*ахэартлаз*) [6, № 252], дракон (*агэыльшан*) [6, № 259]. Она безобразна (*аҭааста*) [6, № 251]: пятки ног были повернуты вперед, а носки – назад [6, № 251, 252, 257]; ее брови свисали до земли (*лыҭымышь ахэыцкэа саара ишьҭасуеит*) [6, № 252, 255, 257]; братья-нарты привязывают своих собак с помощью волос, вырванных из ее бровей (или из ее подмышки) [6, № 251, 252, 258]; ее рот доходит до ушей (*лҭыркьара ллымхакэа рҭынза инеиуеит*) [6, № 252, 257]; у нее страшный голос [6, № 253, 257]. С нею встречаются 99 братьев-нартов, которых она проглатывает вместе с их конями, а вслед за ними – и Сасыркуа, который заставляет ее выхаркать братьев, и уничтожает ее [7, с. 57-59; 5, с. 112-113, 325].

11. **Старуха, сообщающая «уязвимое место» Сасыркуа**, обитает в другом, далеком от нартов, в чужом для них мире, за границей земли нартов, за Абхазией, в другой природе [6, № 285, 382, 412], и почти всегда она оказывается на пути братьев-нартов. Её нарицательное имя «старуха» (*аҭакэажэ*) [6, № 181, 242, 380-384, 388-391, 394, 423] имеет ряд эпитетов и вариантов: хитрая / очень хитрая старуха (*аҭакэажэ-гызмал*) [6, № 374] / (*аҭакэажэ-гызмалзак*) [6, № 392], давнишняя старуха (*аҭакэажэ-каимбарах*) [6, № 390], старуха-ведьма (*аҭакэажэ-кэыртлахк*) [6, № 881], женщина (*аҭхэыс*) [6, № 377], женщина-колдунья (*адырш-аҭхэыс*) [6, № 381], хитрая женщина (*аҭхэыс-гызмал*) [6, № 393], ведьма (*аҭыныш*) [6, № 237, 285, 391, 480], старуха-ведьма (*аҭыныш-аҭакэажэ*) [6, № 182, 412], ведьма с петушиным гребнем (*арбагь аиыка зхагылаз иҭыныш*) [6, № 243]. Она восседает на петухе Щашвы (абх. Бог-кузнец), реже на петухе Афы (абх. Бог грома и молнии); плетью ей служит красная змея, стремениами – колючки [6, № 128, 181, 375, 376, 383]. С нею встречаются братья-нарты, которые, разгадав «уязвимое место» Сасыркуа, губят его, сбрасывая на него огромный камень [5, с. 126-136, 328-329].

Кроме вышеперечисленных великанов и великанообразных персонажей, в нартском эпосе абхазов (в разных его сюжетах и мотивах) обнаруживаются мифические роды великанов: Ххуцовы (*Ххэыцаа*) [6, № 613-615, 633, 738, 746, 800], Тариаловы (*Тариалаа*) [6, № 841, 844, 962], Лымхашовы (*Лымхашаа*) [6, № 615, 800], Щапышовы (*Шьапышаа*) [6, № 615, 800], Адауовы / Адоумыжьховы (*Адауаа, Дауыжэлар, Адоумыжьххаа*) [6, № 93, 103, 476, 740, 841, 844].

Заключение

На основании приведенных выше данных правомерно предположить следующее:

1. Все рассмотренные персонажи абхазского нартского эпоса (и зооморфные, и зооантропоморфные существа) в той или иной степени характеризуются змеиной образностью. Приметы, характерные для тех или иных персонажей, обладают амбивалентностью, они во многом переплетены, синонимичны, взаимообусловлены, окутаны клубком сходных ассоциаций.

2. О змеином облике и змеиной природе данных образов свидетельствует прежде всего близость или сходство пространственных координат – мест их обитания и характерных примет их изображения, а также синонимия их собственных и нарицательных имен.

3. Выяснилось, что эти персонажи обитают в своем пространстве, в «ином», «потустороннем» мире, атрибуты которого в повествованиях, посвященных данным образам, близки или почти сходны. Ср. основные определения: пропасть, подземный мир, лес, ущелье, пещера, за рекой, земля великанов, середина моря, потусторонний мир, овраг, гора, скала, далекая земля, куда нога человека не ступала, чужой мир и т. д. Всегда (или почти всегда) герой сталкивается с таким противником на границе «своего» и «чужого», на границе противоположных миров.

¹ Вероятно, омага – от тюркского «эмеге» («бабушка», «прабабушка») – персонаж мифологии монгольских и некоторых других народов [4, с. 84-85].

4. Из серии схожих примет, свойственных всем (или почти всем) этим персонажам, к самым характерным относятся: многоголовость, сон, манера сна (свернувшись кольцом), волосы, мохнатость, связь с водой, связь с огнем, пугающая безобразная внешность, необыкновенная сила, одноглазие (или многоглазие), отсутствие половины тела и др.

5. В нарицательных и собственных именах этих образов наиболее часто встречаются: великан, рыжий великан, семиглавый великан, дракон, лесной человек, Зартыж, Иарчхьоу, Калаур, находившийся на том берегу, Полусухой-Полусырой, Татраш, рыжая змея, женщина-омага и т. д.

6. Все эти персонажи, с которыми встречаются эпические герои, маркируют их самих. В ряде характерных примет и функций данных хтонических образов в определенном смысле отражается этническая специфика абхазских нартских сказаний.

7. Проведенный анализ еще раз подтверждает идею, что архаические образы змея, дракона, великана или иных чудовищ – семантически и функционально сходные классические фольклорные персонажи [5, с. 109].

Литература

1. Пропп В. Я. Нарты. Эпос осетинского народа: рецензия на книгу // Русский фольклор: Материалы и исследования. – М.-Л.: Наука, 1958. – С. 395-399.
2. Салакая Ш. Х. Избранные труды: в 3-х т. Т. 1: Эпическое творчество абхазов / Отв. ред. З. Д. Джапуа. – Сухум: Абгосиздат, 2008. – 428 с.
3. Зухба С. Л. Избранные труды: в 2-х т. Т. 1. – Сухум: Абгосиздат, 2014. – 576 с.
4. Ардзинба В. Г. Собрание трудов: в 3-х т. Т. 3. – М.: Институт востоковедения РАН, 2015. – 320 с.
5. Джапуа З. Д. Абхазский нартский эпос: Текстология. Семантика. Поэтика. – М.: Восточная литература, 2016. – 381 с.
6. Нарты: Абхазский героический эпос: в 7-и т. [Рукопись] / Под ред. З. Д. Джапуа. (на абхазском. яз.)
7. Джапуа З. Д. Абхазские архаические сказания о Сасыркуа и Абырске (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии). – Сухум: Алашара, 2003. – 376 с.
8. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: Исследование и тексты. – М.: Наука, 1972. – 467 с.
9. Джапуа З. Д. Семантика нартского сюжета о добывании огня // Армянский эпос «Сасна црер» и всемирное эпическое наследие. – Ереван: Ван Арьян, 2006. – С. 100-106.
10. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. – М.: Прогресс, 1987. – 560 с.
11. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / Сокр. пер. с франц. А. З. Алмазовой. – М.: Наука, 1990. – 229 с.
12. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. Изд. 2-е, испр. – М.: Восточная литература, 2004. – 462 с.
13. Джапуа З. Д. Нартский сюжет о чудесном рождении героя на границе миров // Известия СОИГСИ. Вып. 11 (50). – Владикавказ: СОИГСИ, 2014. – С. 86-96.
14. Алиева А. И. Адыгский нартский эпос. – М.-Нальчик: Эльбрус, 1969. – 168 с.
15. Ханаева З. К. Сослан (Созырыко-Сосруко) в осетинских и адыгских нартских сказаниях // Вопросы осетинской литературы и фольклора. – Владикавказ: СОИГИ, 1993. – С. 229-244.
16. Абаева З. В. Характер и обстоятельства в нартском эпосе // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН ГССР. Вып. 16. – Цхинвал, 1969. – С. 72-94.
17. Мелетинский Е. М. Место нартских сказаний в истории эпоса // Нартский эпос: материалы Совещания 19-20 октября 1956 г. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1957. – С. 37-73.
18. Шортанов А. Т. Нартский эпос адыгов // Нарты: Адыгский героический эпос. – М.: Наука, 1974. – С. 8-35.

References

1. Propp V. Ja. *Narty. Jepos osetinskogo naroda: recenzija na knigu* [Narts. Ossetian people's epic: book review]. In: *Russkij fol'klor: Materialy i issledovanija* [Russian folklore: materials and research]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1958, pp. 395-399.

2. Salakaja Sh. H. *Izbrannye trudy: v 3-h t. T. 1: Jepicheskoe tvorcestvo abhazov* [Selected works: in 3 vol. Vol. 1: Epic creation of Abkhazians] / Otв. red. Z. D. Dzhapua. Suhum, Abgosizdat, 2008, 428 p.
3. Zuhba S. L. *Izbrannye trudy: v 2-h t. T. 1.* [Selected works: in 2 vol. Vol. 1]. Suhum, Abgosizdat, 2014, 576 p.
4. Ardzinba V. G. *Sobranie trudov: v 3-h t. T. 3.* [Collection of works: in 3 vol. Vol. 3]. Moscow, Institut vostokovedenija RAN, 2015, 320 p.
5. Dzhapua Z. D. *Abhazskij nartskij jepos: Tekstologija. Semantika. Pojetika* [Abkhazian Nart epic: Textology, Semantic, Poetics]. Moscow, Vostochnaja literatura, 2016, 381 p.
6. *Narty: Abhazskij geroicheskij jepos: v 7-i t. [Rukopis']* [Narts: Abkhazian heroic epic: in 7 vol. (Manuscript)] / Pod red. Z. D. Dzhapua. (In Abhazian lang.)
7. Dzhapua Z. D. *Abhazskie arhaicheskie skazanija o Sasrykua i Abryskile (Sistematika i interpretacija tekstov v sopostavlenii s kavkazskim jepicheskim tvorcestvom. Teksty, perevody, kommentarii)* [Abkhazian archaic legends of Sasrykua and Abryskil (Systematics and interpretation of texts in comparison with the Caucasian epic creativity. Texts, translations, comments)]. Suhum, Alashara, 2003, 376 p.
8. Dalgat U. B. *Geroicheskij jepos chechencev i ingushej: Issledovanie i teksty* [Heroic epic of Chechens and Ingushs: research and texts]. Moscow, Nauka, 1972, 467 p.
9. Dzhapua Z. D. *Semantika nartskogo sjuzheta o dobyvanii ognja* [Semantics of the Nart plot about obtaining fire]. In: *Armjanskij jepos «Sasna crer» i vseмирное jepicheskoe nasledie* [Armenian epic “Sasna Tsrer” and the world epic heritage]. Yerevan, Van Ar’jan, 2006, pp. 100-106.
10. Trubeckoj N. S. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected works on Philology]. Moscow, Progress, 1987, 560 p.
11. Djumezil’ Zh. *Skify i narty* [Scythians and Narts] / Sokr. per. s franc. A. Z. Almazovoj. Moscow, Nauka, 1990, 229 p.
12. Meletinskij E. M. *Proishozhdenie geroicheskogo jeposa: Rannie formy i arhaicheskie pamjatniki* [The origin of the heroic epic: Early forms and archaic monuments]. Izd. 2-e, ispr. Moscow, Vostochnaja literatura, 2004, 462 p.
13. Dzhapua Z. D. *Nartskij sjuzhet o chudesnom rozhdenii geroja na granice mirov* [Nart’s plot about the wonderful birth of a hero on the border of the worlds]. In: *Izvestija SOIGSI* [Izvestiya of NOIHSR]. Iss. 11 (50). Vladikavkaz, SOIGSI, 2014, pp. 86-96.
14. Alieva A. I. *Adygskij nartskij jepos* [Adyghe Nart epic]. Moscow, Nal’chik, Jel’brus, 1969, 168 p.
15. Hanaeva Z. K. *Soslan (Sozryko-Sosruko) v osetinskih i adygskih nartovskih skazanijah* [Soslan (Sozryko-Sosruko) in the Ossetian and Adyghe Nart legends]. In: *Voprosy osetinskoj literatury i fol’klora* [Questions of Ossetian literature and folklore]. Vladikavkaz, SOIGI, 1993, pp. 229-244.
16. Abaeva Z. V. *Harakter i obstojatel’stva v nartovskom jepose* [Character and circumstances in the Nart epic]. In: *Izvestija Jugo-Osetinskogo nauchno-issledovatel’skogo instituta AN GSSR* [Izvestiya of the South Ossetian Scientific Research Institute of the Academy of Sciences of the GSSR]. Iss. 16. Chinval, 1969, pp. 72-94.
17. Meletinskij E. M. *Mesto nartskih skazanij v istorii jeposa* [The place of the Nart legends in the history of the epic]. In: *Nartskij jepos: materialy Soveshhanija 19-20 oktjabrja 1956 g.* [Nart Epic: materials of the Meeting on October 19-20, 1956.]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1957, pp. 37-73.
18. Shortanov A. T. *Nartskij jepos adygov* [Nart epic of Adyghe]. In: *Narty: Adygskij geroicheskij jepos* [Narts: Adyghe heroic epic]. Moscow, Nauka, 1974, pp. 8-35.

